

Document No. 60 (1945). Republished in Journal of Social Psychology, XXVI (1947), 141—183; XXVII (1948), 91—117, 241—270; XXVIII (1948), 141—164). С 17 века структурной значимости стиля придается большое значение, и в настоящее время мы согласны с определением Баффона о «порядке» и «движении» выражаемых мыслей.

В целом, стиль – организация частей коммуникации; этими частями могут быть простые и сложные элементы, состоящие из знаков, символов и символов-знаков. Они варьируются как и функции ситуации, в которой коммуникация является инструментом власти.

© Г. Лассвелл, 2007

© Матыгина Е. Б., Солопова О. А.
(перевод), 2007

Гарольд Лассвелл

Перевод: Аникин Е. Е.

ПОЧЕМУ КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ МЕТОД?

Abstract

The author argues that the study of politics can be stimulated by quantitative analysis of political discourse. More precise methods give us a means for explaining some categories that caused numerous mistakes made by historians and sociologists.

***

В данном исследовании мы утверждаем, что толчок изучению политики можно дать с помощью количественного анализа политического дискурса. Почему за счет количественного? В ответ, возможно, уместно ограничить область качественного анализа в рамках работы данного автора. В конце Первой Мировой войны исследование политически значимой коммуникации проводилось практически полностью на основе качественного анализа, состоящего в обнаружении и демонстрации тем пропаганды и вариантов их использования. Когда автор данного исследования описывал пропаганду Первой мировой войны в работе *Методы Пропаганды в Мировой войне* (Кеган Пауль, Лондон, и Кнопф, Нью-Йорк, 1927; переиздано Питером Смитом, Нью-Йорк, 1938), он обратил внимание на некоторые общие темы в пропаганде противоборствующих держав. Этими темами были следующие:

Враг – это угроза.

(Немецкий милитаризм угрожает нам всем.)

Мы ведем защитную войну.

(Мы защищаем нас и других.)

Враги нам мешают.

(Они препятствуют осуществлению наших будущих целей.)

Мы помогаем другим.

(Мы помогаем в достижении положительных целей.)

Враги безнравственны и высокомерны.

(Они нарушают юридические и моральные нормы и презирают других.)

Мы – нравственны и благодарны.

(Мы соответствуем моральным и юридическим нормам и уважаем других.)

Враг будет повержен.

Мы победим.

Книга была организована таким образом, чтобы показать ту форму, в которой находили выражение эти темы при обращении к внутренней, союзнической или вражеской публике. Глава по *"Иллюзии Победы"* демонстрирует, что говорилось внутренней аудитории на эти темы: "Враг будет повержен", "Мы победим", Глава по "Сатанизму" описывает то, как адересант позиционировал себя "высоконравственным" и "признательным", в то время как врага "безнравственным" и "надменным". "Угрожающая" и "препятствующая" сущность врага и наша собственная "защитная" и "полезная" деятельность были проиллюстрированы в главе о *"Вине и целях войны"*. Особое внимание отводилось "сохранению дружбы" (с союзниками и нейтральными странами) и "деморализации врага". Каждая глава была составлена в основном из выдержек из пропаганды Соединенных Штатов, Великобритании, Германии и Франции.

Хотя ни один из критериев, определявших выбор цитат, не заявлен в книге, очевидно, что некоторые выборы были сделаны, потому что они ясно заявляли тему или детально разрабатывали ее. Вне всякого сомнения, эти критерии оправдывали цитирование большого количества указаний на нарушение международного права странами Антанты, которые были собраны доктором Эрнстом Мюллер-Майнингеном (стр. 85-86). В некоторых случаях, широкое распространение материала являлось, без сомнения, фактором выбора, особенно в случае *J'accuse!* – экспозе о Германии Ричарда Греллинга (стр. 54). Иногда известность докладчика становится решающим фактором, как, например, в случае с докладом Брайса о предполагаемых зверствах немцев в Бельгии (стр. 19). В некоторых

случаях, отрывок представляет собой образцом того, что раздавалось следующими группами или группам: профессиональной, группой по интересам, образовательной или какой-либо другой группой или группе (стр. 70).

Книга не утверждает, что весь материал, изученный автором, был исследован с одинаковой степенью пристальности. Мы не располагаем информацией о том, прочитал автор или в действительности лишь бегло просмотрел все копии основных газет, периодических изданий, книг и брошюр массовой циркуляции Германии и других стран; и ознакомился ли он с британским, французским и американским материалом так же полно, как с немецким.

Конечно, данное исследование не предполагает исчерпывающего анализа истории пропаганды времен войны. Технически оно было названо эссе, и была выражена надежда на то, что оно будет иметь некоторое влияние на профессиональных историков, направив их внимание на изучение пропаганды, и что схема классификации окажется полезной при организации будущих исследований. Книга в некоторой степени достигла обеих целей. Исследование военной пропаганды, как и на самом деле, каждой стадии пропаганды, получило быстрое развитие, многие монографии либо вышли из первоначального эссе, либо до определенной степени стали результатом его влияния (см. Ральф Хасвелл Лутц, "Исследование Военной Пропаганды, 1914-33," *Журнал Современной Истории*, 5: 496-516 (декабрь 1933)).

Среди самых полных книг по пропаганде Второй Мировой Войны следует назвать книги Ханса Таймма, *Мировая война без оружия* (Hans Thimme, *Weltkrieg ohne Waffen*, 1932), и Джорджа Г. Брунтца *Союзническая Пропаганда и Крах немецкой Империи в 1918* (George G. Bruntz, *Allied Propaganda and the Collapse of the German Empire in 1918*, 1938). Оба историка исследовали газетные, журнальные архивы и другие источники материала, при этом первый основном полагался на архивы Рейха, а последний использовал материалы Военной Библиотеки Гувера в Стэнфордском Университете.

Каждый раз при описании пропаганды данные авторы прибегали к методу,

подобному тому, что использовался в работе *Методы Пропаганды на Мировой войне* (*Propaganda Technique in the World War*). Выдержки были выбраны так, чтобы проиллюстрировать то, что адресовалось к разного рода публике и какие темы использовались. Авторы оставили неуказанным критерии их выбора, хотя они были очевидно идентичны критериям предыдущей работы. Во многих отношениях эти монографии более удовлетворительны, чем первая книга, так как авторы использовали новый исходный материал, и воспользовались накопленными исторической наукой данными об относительной важности личностей, каналов и символов на войне.

Результаты, однако, не могут быть признаны удовлетворительными во всех отношениях; много уместных вопросов остаются без ответа. Можем ли мы полагать, что ученый читает все свои источники с равной степенью внимания во время всего исследования? Действительно ли он просматривал тысячи страниц парламентских дебатов, газет, журналов и других источников, указанных в его библиографии или примечаниях? Или он выбирал примеры, лишь поверхностно просмотрев несколько страниц, тем не менее особо концентрируясь на некоторых периодах? Была ли система осуществления выборки из *Frankfurter Zeitung* сопоставимой с системой выборки из *Manchester Guardian*? Были ли листовки выбраны просто потому, что они находились в распоряжении ученого, или же они действительно представляют наиболее широко распространенный тип пропагандистских листовок?

Сам факт, что такие вопросы могут быть подняты вообще, указывает на некоторый недостаток методики в представлении и проведении исследования истории военной пропаганды. Во всех книгах, на которые мы ссылались, не было дано ни единого эксплицитного обоснования большинства выдержек, выбранных для иллюстрации определенной темы, характеристики содержания какого-либо специфического канала, или описания пропаганды, направленной к любой данной аудитории, или достигающей ее. Из заключительного отчета невозможно определить, было ли прочитано одно и то же или сопоставимое количество циркуляров СМИ как для Франции, так и для

Англии или Германии, или исследовались ли публикации с одинаковой степенью пристальности от всех дат, или выборочные номера были взяты для создания картотеки.

Ограничения этих монографий очевидны, если проследить за какой-либо темой в различные периоды времени, через различные каналы и адресованные различной по характеру аудитории. Мы знаем, кто из оппонентов использовал пропаганду "цели войны". Но предположим, мы хотим узнать степень акцента, сделанного на военные цели в тот или иной период. Или предположим, что мы спрашиваем, как они различались при представлении верхнему, среднему или низшему классу внутри страны, или в нейтральной стране, или в союзнической или вражеской стране. Была ли пропаганда военной цели более представлена в журналах чем в брошюрах, или наоборот? Те же самые вопросы уместны к каждой теме.

До некоторой степени, историки военной пропаганды стремились уменьшать двусмысленность путем увеличения промежуточных периодов, описанных в пределах целого периода. Вальтер Циммерман изучал английскую прессу со времени убийства в Сараево вплоть до вступления Англии в войну, выбрав тридцать ежедневных и восемь воскресных газет, девять еженедельников, четыре ежемесячника и два ежеквартальных издания, намереваясь охватить все значимые региональные и социальные группы в Великобритании (*Английская пресса о начале Мировой Войны, "Высшая школа и Заграница". – Charlottenburg, 1928*). Даже для этого периода, тем не менее, мы не можем быть уверены в критериях, используемых при выборе цитат. Очевидно, что Циммерман не резюмирует все тридцать газет каждый день, но мы остаемся в неведении относительно того, почему он цитирует одну газету один день или неделю и не цитирует в следующий раз. Даже если мы предположим, что его суждения верны, уместно задать вопрос, создает ли подобная произвольная процедура выбора должным образом сбалансированную картину, или же ее результатом становится защита одной из сторон, основанная, если не на преднамеренном обмане, на неосознанном предубеждении.

Та же самая проблема встает в подробной монографии Фредерик Ректенвальд (Friederike Recktenwald), в котором она ограничивает себя определенным набором тем, связанных с британскими военными целями (*Военные Цели и общественное мнение Англии, 1914-16, В. Кельхаммер, Штутгарт, 1929*). Мисс Ректенвалд делит ход войны на промежуточные периоды и цитирует или резюмирует материал из британской прессы, связанный с военными целями. Хотя данная процедура дает нам правдоподобный показатель относительного количества внимания, уделяемого военным целям в разное время, не все обоснованные сомнения развеиваются. Она не следует никакой последовательной схеме в своем докладе. В течение любого данного промежуточного периода могут быть приведены лишь несколько цитат; тем не менее данное замечание не может свидетельствовать об уменьшении новостей, касающихся военной цели, или уменьшении внимания к ним со стороны издания. Это может означать лишь то, что, сказанное менее интересно историку, вследствие меньшей яркости стиля и недостойности его цитирования. Мы не можем считать выдержки мисс Ректенвалд истинными образцами полного потока новостей и комментариев, достигающего британской публики, или даже любой специфической газеты, или группы газет. В тот момент, когда мы задаем ясные вопросы, которые обращаются к надежным основаниям сравнения, произвольный и неоднозначный характер монографии становится очевидным.

Возможно, однако, найти исследование, весьма совершенные в техническом отношении. В вопросах систематического определения и исторических подробностей, мы можем вернуться на полстолетия к работе *Изучение Общественного мнения и Лорд Биконсфилд, 1875-1880*, Джорджа Карслэйка Томпсона (*A Study of Public Opinion and Lord Beaconsfield, 1875-1880, by George Carslake Thompson, 1886*). В начале этой замечательной работы ряд терминов, используемых для анализа общественного мнения, подробно определен. Эти термины последовательно применены всюду в двух наполненных фактическим материалом томах. Одна часть аналитической схемы называет стандарты, применимые британской

публикой к вопросам внешней политики. Среди этих стандартов выделяется "международное право", "интерес", "нравственность" и "вкус". Томпсон указал, что такие стандарты применялись согласно национальной концепции роли Англии по отношению к другим нациям, и что она могла варьироваться от видения "Англии как острова" вплоть до "Англии как Европейской или Азиатской великой державы".

При применении этих стандартов и концепций, Томпсон выделял определенные широкие мотивы – "сентиментальные" или "дипломатические" – которые оперировали среди членов британской публики в отношении их основной ориентации во внешней политике. В любое данное время – например, во время начала войны между Россией и Турцией – эти стандарты, концепции и мотивы (общественные "понятия") объединялись в общественные "взгляды". Взгляды британской публики в 1876 классифицировались как "тнти-туркизм", "пацифизм", "порядок", "законность", "анти-ауссизм и фило-туркизм." Такие взгляды, в свою очередь, были связаны с соответствующей политикой. Так, "анти-туркизм" был сцеплен с "эмансипацией", "пацифизм" с "изоляционизмом". Книга описывает каждую последующую стадию реакции Англии на войну между Россией и Турцией, обильно иллюстрируя каждый шаг выдержками из списка публикаций.

Трактат Томпсона примечателен объединением тщательно определенных абстракций с исчерпывающими данными из источников. Однако, работа замечательного интеллекта и усердия, заложенная в этот трактат, не приводит к максимальным результатам, из-за одного основополагающего промаха: проблема осуществления выборки, регистрации и резюмирования источников не была решена. Следовательно, вся суть работы опирается на шаткое основание. Томпсон делит те пять лет, которые он исследует, на промежуточные периоды согласно определенной преобладающей характеристике. Один такой промежуточный период – это "инкубационный период, третья стадия", от открытия Парламентской Сессии 1876 г. вплоть до объявления войны Сербией. За ней следует "период зверств", который, в свою очередь, разделен на несколько частей. Для каждого

промежуточного периода, Томпсон передает поток событий и выбирает из источников цитаты, которые кажутся ему важными, не только потому, что они выделяются на общем фоне, но и потому, что они имеют определенное отношение к его системной схеме анализа (стандарты, концепции, побуждения, взгляды и политика). Однако, критичный читатель по-прежнему и вполне оправданно настроен скептически относительно представительности цитат. Он не может точно знать, почему они произвели особое впечатление на автора, когда он читал и делал примечания в своих источниках, или организовывал свои главы. Выдержка может быть единственной, появившейся в данной газете или журнале о какой-либо проблеме в течение периода; или, напротив, она может быть лишь одной среди огромного потока новостей и сообщений. Томпсон не говорит об этом. Фундаментальное действие – по работе с источником – осталось весьма произвольным.

Тогда как достоинство работы Томпсона лежит в системе и подробности изложения, несколько недавних публикаций превосходят ее в плане работы с источниками. Д.И. Уилкоккс (D. F. Willcox, 1900) распределял содержание одного единственного выпуска каждого из 240 изданий согласно теме (по количеству дюймов, отведенных на каждую тему). Позже А.А. Тенни (A. A. Tenney), студент Колумбийского Университета, заинтересовал других студентов измерением пространства и начал исследования, имеющие непосредственную ценность для мировой политики. Джулиан Л. Вудворд исследовал иностранные новости, публикуемые в 40 американских утренних газетах и улучшил техническое состояние предмета, продемонстрировав эффект различных методов осуществления выборки на результат. В общем и целом, он обнаружил, что небольшого количества выпусков в течение года было достаточно для того, чтобы дать надежное представление о количестве внимания, обычно уделяемого американской утренней газетой иностранным новостям (по крайней мере, в течение некризисного периода) (Иностранные новости в американских утренних газетах, Издательство Колумбийского Университета, Нью-Йорк, 1930).

Вообще, подобные исследования не были явно связаны с политической наукой. Они были сделаны статистиками, которым было интересно что-нибудь посчитать, или социологами, которые исследовали социальный процесс в общем. Автор данной работы предпринял шаги к тому, чтобы направить исследование к использованию объективных процедур при сборе данных, имеющих отношений к политическим гипотезам. Шюлер Фостер (Schuyler Foster), например, исследовал отношение *Нью-Йорк Таймс* к военным новостям из Европы в определенные периоды до вступления Америки в Войну 1914-18. Он представил полученные результаты в форме таблиц и графиков, и показал, что кризис, который немедленно привел к вступлению США в войну, был последним из серии кризисов постоянно увеличивающейся интенсивности. Он измерил эти колебания, отметив частоту, с которой различные виды новостей или редакционных комментариев делались о войне или отношении Америки к ней. Использование количественных методов дало точность части истории мобилизации Америки для участия в войне и подняло ряд вопросов об отношении между подъемами и спадами в *Нью-Йорк Таймс* и соответствующих колебаниях в нью-йоркских газетах, предназначенных для различных социальных групп, и в газетах, издаваемых в городах различных размеров по всей стране ("Как Америка стала воинствующей: количественное исследование новостей войны, 1914-17". – *Американский Журнал Социологии*, 40: 464-76 (январь 1935). См. также исследование в Куинси, *Изучение Войны*, Издательство Университета Чикаго, в 2-х томах, 1942. Обратите особое внимание на Главу XXX).

Более точные методы дают нам средство разьяснения некоторых категорий, которые лежали в основе многих прошлых ошибок в работе историков и социологов. В течение столетия, бушевали споры по поводу относительного весу "материальных" и "идеологических" факторов в социальном и политическом процессе. Эти споры не привели ни к каким научным результатам, хотя резонанс пропаганды "диалектического материализма" был огромен.

Поскольку отсутствие результатов в научной области может быть приписано

техническим факторам, существенный фактор – это неспособность надлежащим образом обращаться с "идеологическими" элементами. Обычный подсчет того, как взаимодействуют материальные и идеологические факторы, не открывает завесы тайны над процессом. Это - как если бы Вы поместили людей в окружающую среду, названную материальной, – и presto! – их идеи изменяются предсказуемым способом; а если они не изменяются, неудача приписывается идеологической помехе какого-либо рода. Но отношения, хоть и приняты, не демонстрируются. Что касается материальных измерений, операционные методы сгодились для их описания; с идеологическими дело обстоит иначе. Мы достаточно оснащены для описания таких "материальных" изменений как колебания в выпуске или количестве машин, используемые в производстве; но мы не можем соответствующим этой части описания и столь точным образом описать идеологическое. В результате, исторические и социальные науки делали сравнения между моделями, лишь некоторые характеристики которых обработаны с точностью. Другие измерения остаются совершенно качественными, эмоциональными и находящимися в сфере предположительного (см. Гарольда Д. Лассвелла, "Исследование Коммуникаций и Политика" в работе *"Печать, радио, и кино в Демократии"*, под ред. Дугласа Уэпльза, Университет Чикаго, Чикаго, 1942, стр 101-117).

Мы взялись за работу чтобы устранить часть замешательства, в течение долгого времени сопровождавшего анализ "окружения", путем ввода основных различий: первое из них – между "рамкой внимания" и "средой"; второе – между "структурой СМИ" и "структурой не-СМИ." Рамка внимания или "микросреда" представляет собой часть окружающей среды, достигающей центра внимания человека или группы; среда не достигает центра. Структура СМИ состоит из знаков, достигающих центра внимания (например, пресса, которая на самом деле читается). Структура не-СМИ включает особенности окружающей среды, которые, хоть и не являются знаками, достигают центра внимания (вроде заметных зданий или людей). На вопрос о том, действительно ли любой данный набор

знаков окружения затрагивает структуру внимания, ответ должен быть дан через наблюдение за явлениями, а не предположения.

Фундаментальный характер этих отношений очевиден, когда мы размышляем над требованиями научного объяснения ответа. Здесь участвует два набора факторов: окружающая среда и предрасположенность. R (ответ) – это функция в математическом смысле термина, E (окружающая среда), и P (предрасположенность); мы показали, что частью окружающей среды, немедленно влияющей на ответ, является та, что достигает центра внимания (рамки внимания) (или, синонимично, микросреда, которую можно разделить на структуры СМИ и не-СМИ). Информация о среде является полезной только в той степени, в которой можно показать, что среда определяет внимание. При решении того, находится ли какая-либо деталь окружающей среды в центре внимания, необходимо продемонстрировать, что минимум (пороговый уровень) выявлен. Мы не считаем, что радио-программы, которые передавались с помехами, вошли во внимание аудитории. Пороговый уровень не был достигнут. (Порог – не часть R в формуле объяснения, используемой выше; лишь изменения выше порога называют "воздействием" – ответ на то, что привнесено в поле зрения.)

Процедуры "контент-анализа" коммуникации применимы к проблеме описания структуры внимания в количественных терминах (за обзором ситуации перед началом войны (1939), обратитесь к: Дуглас Уопльз, Бернард Берелсон, и Франклин Р. Брэдшоу, *Что чтение делает с людьми*, Издательство Университета Чикаго, Чикаго, 1940. Менее отдаленные события отмечены в Гарольд Д. Лассвелл, "Контент-анализ", в Брюс Л. Смит, Гарольд Д. Лассвелл, и Ральф Д. Кейси, *Пропаганда, коммуникация и общественное мнение*. Издательство Принстонского Университета, Принстон, 1946. (Цит по *Документ II*, Экспериментальный Отдел по Изучению Военных Коммуникаций. Библиотека Конгресса, 1942.)). Перед тем, как углубиться в технические особенности, нужно указать, что количественные способы описания внимания служат многим практическим, так же как и научным, целям. *Предсказа-*

ние действий врага – одна из самых важных и волнующих проблем при ведении войны. Служба разведки каждого государства соревнуется в сообразительности с врагом. Работа состоит в том, чтобы перехитрить врага, предсказать его вооруженные, дипломатические, экономические и пропагандистские шаги прежде, чем он сделает их, и оценить в какой области нападение причинило бы ему больше вреда. Основной источник информации – то, что враг распространяет в своих СМИ.

Мировая Война обеспечила новый источник информации о враге – радиопередачи под его контролем. Когда враг говорит со своей внутренней публикой, можно подслушать. Мы подслушиваем то, что враг говорит своим союзникам, нейтральным странам и врагам. При начале всемирных войн, противоборствующие правительства устанавливают мониторы, чтобы обрабатывать, слушать, регистрировать и резюмировать информацию от врага и контролируемых им станций. В Великобритании группа, связанная с Би-Би-Си, подвергала это огромное количество материала систематической экспертизе и начала предсказывать Нацистскую политику. Данные ею оценки были затем повторно изучены (Эрнст Крис, Ханс Шпайер и Партнеры, *Германская радио-пропаганда; доклад о радиопередачах внутри страны во время войны*. Издательство Оксфордского Университетского, Нью-Йорк, 1944. См. также *Пропаганда короткой волной*, под ред. Харвуда Л. Чайлдса и Джона Б. Виттона, Издательство Принстонского Университета, Принстон, 1942; и полезное эссе Чарльза Сипманна, *Радио в военное время*, Издательство Оксфордского Университетского, Оксфорд, 1942. Обзор ситуации в 1939 - Томас Грандин, *Политическое Использование Радио*, Женевский Исследовательский Центр, Женева, 1939; для более позднего периода, Арно Хат, *Радио сегодня: современное состояние радиовещания в мире*, Исследовательский Центр, Женева, Женева, 1942. Относительно новостей и документального фильма, наиболее глубокое исследование на сегодняшний день – Зигфрид Кракауэр, *Пропаганда и нацистский военный фильм*, Музей Библиотеки Современного Художественного Фильма, Нью-Йорк, 1942). Те же самые процедуры

также применялись по отношению к прессе и любому другому каналу связи. Полный план врага часто становится ясным только тогда, когда полный поток коммуникации интерпретируется в целом.

По мере того, как мы улучшаем методы описания общественного внимания и ответа, наши результаты становятся более полезными для другой практической цели - *обнаружение политической пропаганды*. Во время Второй Мировой Войны, американский Департамент юстиции использовал объективный анализ пропаганды, с целью выявить и представить перед судом вражеских агентов – подобно Трансокеанской Информационной Службе (контролируемой нацистами) – и "местных Фашистов." Федеральная Комиссия Коммуникаций описывала темы Оси, выделенные экспертами, которые отслеживали и анализировали радиопередачи короткой волны из Германии, Японии и Италии. Объективные процедуры были применены для обнаружения этих тем. Объективные процедуры также использовались для того, чтобы анализировать периодические издания, издаваемые Союзниками, и выявить параллели между ними и темами, распространяемыми пропагандистами Оси (*Соединенные Штаты Америки против Уильяма Дадли Пелли* (и других), судимого в американском Окружном суде Южного Округа Штата Индиана, Индианаполисского Отделения, лето, 1942; признание подсудимого виновным оставлено в силе после апелляции к американскому Окружному апелляционному суду, Южному Кругообороту, Сроку{Термину} октября, 1942. Приказ об истребовании дела отклонен американским Верховным Судом. Среди свидетелей обвинения были Гарольда Н. Грэйвз-младший от Федеральной Комиссии Коммуникаций, и Гарольд Д. Лассвелл.).

Кроме этого, важно, чтобы публика была проинформирована относительно поведения тех, кто владел доступом к каналам связи. При решении вопроса о том, насколько мы можем положиться на данную газету, важно знать, прекращает ли эта газета нападки на Россию после того, как Германия и Россия подписывают пакт о ненападении, а затем возвращается к ним, после того как союз Германии и России распадается. В таком

случае, мы имеем основания для того, чтобы говорить о пронемецкой политике пропаганды. Изучая новости, передовицу и основные статьи в средстве информации под немецким контролем, мы можем проверить этот вывод. Мы можем обнаружить, что эти два СМИ распределяют похвалу и вину одним и тем же способом среди общественных лидеров и политических партий; и что они занимают одну и ту же позицию по внутренним и международным проблемам. Если это так, то наш вывод, что данный канал находится под контролем пронемецкой политики, подтверждается (историки литературы положились на количественный анализ как одно из главных средств в их распоряжении при решении проблемы "обнаружения", с которой они сталкиваются. Они должны обнаружить недостоверные тексты, определить автора из конкурирующих кандидатур, понять истинную последовательность, в которой работы были написаны, определить источники, на которые полагался автор и те факторы, которые оказали на него влияние. Как указывает Юл, техника подсчета слов ведет свою историю уже много веков, по крайней мере, со времени "Мазоретов", которые, после разрушения еврейского государства в 70 г. н. э., посвятили свою жизнь сохранению текста Библии и правильной манеры произношения. Любопытно видеть, что, несмотря на легкость подсчета слов, только первоклассные статистики начали интересоваться связанными с ним проблемами – особенно Г. Удны Юл (G. Udny Yule), *Статистический Анализ Литературного Словаря*, Издательство Кембриджского Университета, Кембридж, Индж., 1944. Хотя подсчет слов является составляющей в изучении коммуникации, не, все количественные процедуры обязательно представляют собой "контент-анализ". Этот термин может быть на полном оновании применен только, когда "подсчет" принят со ссылкой на общую теорию процесса коммуникации. В этом смысле, "контент-анализ" – явление весьма новое.

Историки литературы иногда находили стимул в методах криптографии, и они также сделали чувствительный вклад в предмет. Один из примеров влияния этого искусства - Эдит Рикерт, долго ассоциируемая с Дж. М. Мэнли в исследова-

нии Чосера, которая работала в "Черной Палате" во время Первой мировой войны, а впоследствии изобрела новые способы изучения стиля: *Новые Методы Изучения Литературы*, Издательство Чикагского Университета, Чикаго, 1926. Краткий пример различий в обработке политического материала различными авторами показан простым изучением предполагаемой речи Сципия, обращенной мятежникам в 206 до н.э. В Полибии "речь, содержит 520 слов, из которых местоимения или глагольные формы первого лица единственного числа встречаются 14 раз – то есть один раз на каждые 37 слов. В Ливи речь состоит приблизительно из 1025 слов, и в ней встечается не меньше 64 словоформ *ego* или *meus* (я или мой) или глаголов в лице единственного числа – то есть, один раз на каждые 16 слов - более чем вдвое чаще." (Р.С.. Конвей, " Портрет римского Джентльмена, от Ливи", *Bull. of the John Rylands Library, Manchester*, 7 (1922-23): 8-22.)

Увлекательный детектив, в котором разгадка зависит от контент-анализа и разработки: Бретт Ратледж [псевд. Эллиотта Пола], *Смерть Лорда Хоу Хоу*, Издательство Рэндом Хаус, Нью-Йорк, 1940. По некоторым проблемам см. Владимира Элиасберга, " Лингвистика и Политическая Криминология, " *Журнал Преступной Психопатологии*, 5 (1944): 769-774).

В предыдущих параграфах, мы указали, что политика может пользоваться объективными процедурами, целью которых является предсказание действий врага и обнаружение пропаганды. Также, по мере увеличения научного знания, возможности контроля увеличиваются; следовательно, третий вклад объективного исследования в политику – есть *навык* (Гипотезы или предположения о навыке были заявлены или заложены в количественных анализах многих каналов выражения. Особое внимание, с этой точки зрения, было уделено красноречию и особенно к такой измеримой характеристике как длина предложения. Язык Руфуса Чоата так сильно впечатлял современников, что председатель самого высшего суда в Штате Массачусетс, Джозеф Неилсон, был среди тех, кто посвятил ему специальное исследование (*Мемуары Руфуса Чоата*, Хотон Миффлин, 1884). Чоат изъяснялся длинными

предложениями, составлявшими в среднем не менее 37 слов в одном из его самых известных дел. Почти одна восьмая всех его предложений, в этом случае, состояла более чем из 80 слов. См.: статью Джона В. Блэка, "Руфус Чоат," в *Истории и Критике американского Обращения к публике*, подготовленную под эгидой национальной Ассоциации Преподавателей Речи, Уильяма Норвуда Бриганса, под ред. Макгро-Хилла, Нью-Йорк, 1943, том 1, стр 455-456. Больше технических исследований проводится современными специалистами по публичной речи. Говард Л. Руньон, например, изучил пятьдесят речей Вудро Вильсона, и подсчитал внушительное количество характеристик, включая использование фигур речи. (Неопубликованная диссертация, Университет Висконсина, 1932. За деталями обр. к Дэйтон Дэвид Маккин, "Вудро Вильсон", том 2, стр 968-992, под ред. Бриганса.) Не обязательно отмечать, что изучения классических ораторов представляют собой исследования стиля историков-классиков. См., например, Гровера Клевеланда Кеньяна, *Антитеза в Речах греческих Историков*, Библиотека Чикагского Университета, Чикаго, 1941). Навык – это самое экономичное использование доступных средств для достижения цели. Оценка навыка на убедительном основании – одна из самых трудных для выполнения задач, так как она зависит от исчерпывающего знания конкретных обстоятельств и научных закономерностей. Сказать, что А более квалифицирован, чем В в какой-либо ситуации, означает взять все воздействующие факторы за "равные". Нелегко продемонстрировать, что два набора факторов окружения и предрасположенности строго сопоставимы. Простой факт того, что Нацисты добились успеха в Германии против Социалистов и других партий, не обязательно гарантирует заключение, что Нацисты были более квалифицированными пропагандистами, чем их противники. Или неспособность французов выстоять перед напором немцев дольше 1940 года не означает, что французским пропагандистам не доставало навыка. Фактор "навыка" может быть отделен от других только тогда, когда может быть получено полное всестороннее представление о контексте. Выбирали ли начальники в государствах,

ответственные за это, наиболее подходящий персонал для ведения пропаганды? Были ли выбраны самые эффективные символы? Самые лучшие СМИ? В каждом случае, на вопрос нужно ответить со ссылкой на альтернативы, доступные в первоначальной ситуации.

То, что контент-анализ напрямую опирается на оценку навыка, очевидно, так как подобные методы вносят определенную степень точности в описание многих вопросов, касающихся процесса пропаганды. Директивы могут быть описаны подробно; как и материал, выпущенный агентствами пропаганды и распространённый через различные СМИ, контролируемые или неконтролируемые пропагандистом. Действительно, как мы указали в нашем анализе фактора внимания в мировой политике (См. Гарольда Д. Лассвелла в Лайман Брайсон (ред.) *Передача Идей*, Гарперз, Нью-Йорк, 1948, Глав IV и XV), каждая коммуникация в цепи коммуникации могут быть описаны, когда используются подходящие методы; количественные процедуры уменьшают долю неуверенности в основных данных (нет, конечно, никакого указания на то, что неколичественные методы должны быть оставлены. Напротив, есть потребность более систематической теории и более ярких "догадок", если мы хотим, чтобы все потенциальные возможности точности были реализованы практически. Как показывает история определения количества (в экономике, например), существует бесконечное плодотворное взаимодействие между теорией, догадкой, впечатлением и точностью).

Четвертый вклад имеет отношение не к политике в целом, а к специфическим целям политики гуманизма. Цель этой политики - Содружество наций, в котором достоинство человека признано теоретически и практически. Все, что *улучшает наше понимание отношения*, является потенциальным инструментом политики гуманизма. До настоящего времени, естествознание не обеспечило нас средствами проникнуть в череп человека, чтобы прочесть его переживания. Следовательно, мы вынуждены положиться на косвенные средства проникновения сквозь стену, которая отделяет нас от него. Слова обеспечивают нас ключами, но мы не всегда принимаем все фра-

зы за чистую монету. Кроме преднамеренной неоднозначности, язык как транспортное средство для передачи мысли и чувства имеет недостатки. Важно признать, что мы получаем понимание мира другого человека, когда мы полностью ознакомлены с тем, что занимало его внимание. Конечно, мир деревенского мальчика полон видов, запахов и звуков природы. Городской мальчик, с другой стороны, живет в лабиринте улиц, зданий, транспортных средств и толп. Китайский юноша из хорошей семьи постоянно сталкивается со своими родственниками нос к носу; американский молодой человек может очень плохо помнить своих бабушку и дедушку. Сын из английской элитной семьи может быть воспитан на историях имперского прошлого столетней давности, в то время как сын американского бизнесмена вспоминает, что была Революция и что Банкер Хилл имел к этому какое-то отношение.

Доминирующие политические символы эпохи обеспечивают часть общего опыта миллионов людей. Есть некоторая прелесть в мысли о том, сколько людей связаны друг с другом нитью, не более существенной, чем звук имени или формулировку лозунга. На войне люди переносят боль, голод, горе; определенный источник боли, определенное чувство определенного объекта печали, может быть очень личным. Ключевой символ, напротив, вступает непосредственно в фокус всех людей и обеспечивает элемент общего опыта (использование ключевых символов при количественном анализе сопоставительной филологии продемонстрировано Джозефиной Майлз в работе "Некоторые Главные Поэтические Слова", в *Эссе и Анализ* (членов Кафедры английского языка, Университет Калифорнии), Публикации на английском Университета Калифорнии, XIV, Издательство Калифорнийского Университета, Беркли и Лос-Анджелес, 1943, стр 233-239, "... тенденции к изменению главных закономерностей за пятьсот лет могут быть справедливо выявлены и обозначены в итоге следующими тремя способами: во-первых, в плане частей речи, можно сказать, что все глаголы, выделявшиеся более чем одним поэтом, были установлены Донном или ранее; прилагательные, Бернзом, или ранее; последним – существительное,

только в эпоху По. Во-вторых, в плане нового предмета, очевидно направление от создания до размышления, от хорошего и великого к высокому и сладкому и дикому, и от неба и человека к душе и сердцу, к глазу и руке, и затем – ко дню, солнцу, мечте, ночи; это - направление от действия к мысли, и от задуманного к ощущаемому. В-третьих, в плане контраста между первым и последним, выделяется преобладающая сила трех главных слов: человек, любовь, и видеть – простые глаголы – в основном, потеряны, а сердце, день, и ночь становятся более свежими силами. Эти три точки зрения, как мы видели, настойчиво сводятся настоятельно к одному: представлению об общей стабильности языка в доминирующей части английской поэзии, закаленной изменением, постепенным во всем, кроме Коллинза, от действия и понятия к чувству и ощущению. "

Умело проведенные исследования других выразительных СМИ кроме литературы могут пролить свет на изменения представлений народов. Правящие классы Дельфта, например, скоро отказались от пивоварения в пользу инвестирования в Восточно-Индийскую Компанию, и отдалялись от дел поколение за поколением. Поскольку они уходили от всех форм коммерческой деятельности, никакой другой образ жизни не привлекал их. Макс Айслер сумел продемонстрировать удивительные параллели между живописью Дельфта и спокойствием Дельфтской жизни. Сначала, они находили пейзажи слишком свежими и, уходя в закрытые помещения, покупали интерьеры церкви. Потом они стали казаться слишком дорогими, и они взялись за уютные домашние интерьеры. Вермейер достиг высшего художественного мастерства в этом плане, и мы видим в его картинах граждан Дельфта неизменно в солнечном свете, бездельничающими за столом, разглядывающими свои отражения в зеркале, или свои драгоценности: иногда они переходили от летаргии ко сну. И в этих картинах стены становятся все ближе и ближе. Год за годом, мир Дельфтских рантье становится более и более узким, хотя всегда в неизменном солнечном свете. (Макс Айслер, *Старый Дельфт*, Вена, 1923. Мириам Берд, *История Бизнесмена*, Макмиллан, Нью-Йорк, 1938, стр. 306)).

Зачем тогда использовать количественный метод для изучения коммуникации? Для научной политической пользы, которая может быть извлечена. Социальный процесс представляет собой процесс *сотрудничества и общения*; а количественные методы уже продемонстрировали свою ценность для изучения первого. Дальнейшее понимание и контроль зависят от выравнивания наших навыков относительно обоих.

© Г. Лассвелл, 2007

© Аникин Е. Е. (перевод), 2007

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ЧЛЕНАХ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

АНДЕРСОН РИЧАРД Д. (мл.) – доктор философии, профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, США).

БЕЛТ ТОДД – доктор философии, профессор университета Хило, штат Гавайи (США).

БУДАЕВ ЭДУАРД ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ВОРОШИЛОВА МАРИЯ БОРИСОВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета.

ДЬЯЧОК МИХАИЛ ТИМОФЕЕВИЧ – главный редактор портала Philology.ru (Русский филологический портал), директор центра прикладных лингвистических исследований (Новосибирск).

ИГОШЕВ БОРИС МИХАЙЛОВИЧ – профессор, ректор Уральского государственного педагогического университета.

КОСАРЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ – аспирант Уральского государственного педагогического университета

КУШНЕРУК СВЕТЛАНА ЛЕНИДОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета

ЛАСАН ЭЛЕОНОРА РУФИМОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой языкознания Вильнюсского государственного университета (Литва)

ЛАССВЕЛЛ ГАРОЛЬД (1902-1978) – доктор философии, профессор университета в Чикаго, политолог, психолог, социолог, один из основоположников политической лингвистики.

МИЛЕВИЧ ИНГА ГУНАРОВНА – докторант филологии, зав. Центра русского языка для иностранцев при кафедре Славянского языкознания Даугавпилсского университета

НАХИМОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета

ПИМЕНОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка, декан факультета романогерманской филологии Кемеровского государственного университета

ПИМЕНОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка Кемеровского государственного университета

РУЖЕНЦЕВА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета.

РУСОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант Сургутского государственного университета

САНТА АНА ОТТО – доктор философии, профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

СЕРГЕЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург)

СЛОБОДЯНИК НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА – аспирант Вильнюсского государственного университета (Литва)

СОЛОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета

СТРЕЛЬНИКОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии.

ФЕЛЬБЕРГ ТАТЬЯНА – доктор философии, профессор университета Осло (Норвегия)

ХЕНСОН ДЖЕЙН – аспирант Миссу-

рийского университета (США)

ЧУДИНОВ АНАТОЛИЙ ПРОКОПЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета.

ШЕЙГАЛ ЕЛЕНА ИОСИФОВНА – доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного университета

ЩИПИЦЫНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ

АНИКИН ЕВГЕНИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ – выпускник Челябинского государственного педагогического университета, аспирант Уральского государственного педагогического университета и Колумбийского университета (Южная Каролина, США).

АНИКИНА ТАТЬЯНА ВЯЧЕСЛАВОВНА – преподаватель Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии, аспирант Уральского государственного педагогического университета.

ЗАЙЦЕВА АННА БОРИСОВНА – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

КАМЫШЕВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА – преподаватель Шадринского государственного педагогического института, аспирант Уральского государственного педагогического университета.

КУШНЕРУК СВЕТЛАНА ЛЕНИДОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного педагогического университета

МАТЫГИНА ЕКАТЕРИНА БОРИСОВНА – преподаватель Челябинского государственного педагогического университета.

НАУМОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант Челябинского государственного университета.

СОЛОПОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного пе-